

© 2019 г.

А. ВАН ДЕР ЗЕЙУ, Л. КЕЙСМАН, Д. ВЕЙНИНК

СОЦИОЛОГИЗИРОВАНИЕ С Р. КОЛЛИНЗОМ: ИНТЕРВЬЮ ОБ ЭМОЦИЯХ, НАСИЛИИ, ПРОСТРАНСТВАХ ВНИМАНИЯ И СОЦИОЛОГИИ

ВАН ДЕР ЗЕЙУ Алекс – магистрант отделения социальных наук (alex.vanderzeeuw@student.uva.nl); КЕЙСМАН Лаура – преподаватель того же департамента (l.keesman@uva.nl); ВЕЙНИНК Дон – сотрудник департамента социологии (d.weenink@uva.nl). Все – Амстердамский университет, Амстердам, Нидерланды.

Аннотация. Представлен перевод интервью Р. Коллинза, записанного в мае 2016 г. в Амстердамском университете. В своих глубоких ответах Р. Коллинз проявил креативное социологическое мастерство, демонстрируя действенную силу социологизирования. Ключевыми темами беседы стали новые понятия и концепции Р. Коллинза: (1) ритуалы интеракции в контексте цифровой эпохи; роль эмоций во взаимодействии людей; (2) пространство внимания – новое понятие, призванное концептуализировать процессы борьбы идей и другие конфликтные ситуации; (3) новая социология насилия, в рамках которой Коллинз типологизирует виды насилия в частности по источникам возникновения эмоций и по объектам атаки. Сквозной идеей через темы проходят вопросы о соотношении микро- и макропроцессов, а также о роли новых технологий и медиаресурсов. Коллинз обосновывает пользу индуктивного принципа в социологии и призывает проводить больше эмпирических исследований, на основе которых можно строить новые теории.

Ключевые слова: Коллинз • ритуалы интеракции • теория ритуалов интеракции • микросоциология • социология насилия

DOI: 10.31857/S013216250003746-3

Ритуалы интеракции, религия и трансформация эмоций

Д. Вейнинк (Д.В.): Вы используете понятие «эмоциональная энергия» для описания эмоционального состояния инициативных, полных энтузиазма и душевного подъема индивидов. Пишите, что успешный ритуал интеракции приносит индивидам эмоциональную энергию; на групповом уровне это проявляется как чувство солидарности. Вы утверждаете, что ритуал интеракции работает как эмоциональный трансформатор. С его помощью эмоции формируются до степени группового чувства. Имеет ли значение для результатов ритуала интеракции то, какая именно эмоция центральная в нем? Меняется ли эмоциональная энергия, если в коллективе царят печаль, чувство вины или наоборот большая радость?

Р. Коллинз (Р.К.): Любой ритуал интеракции начинается с эмоции. Важнейшей особенностью является то, сколь сильно разделяют исходное чувство окружающие. Если ритуал интеракции успешен, изначальная эмоция может трансформироваться в другую.

Яркий пример – похороны. Сила негативного опыта объединяет людей и превращает их эмоции в чувство солидарности. Важно ли, с какой эмоции начался ритуал интеракции?

Проследим, какие эмоции проявлены в ритуале интеракции. Отчасти я вдохновлен религиозными ритуалами, которые были источниками идей Дюркгейма. Есть ситуации, очень похожие на религиозные ритуалы: спортивные мероприятия, концерты. Они содержат магические элементы «коллективного энтузиазма» [collective effervescence], чувства включенности в группу. Как это связано с религией? Я убежден: есть две вещи, специально к ней применимые. Одна – чувство времени. Религии почти все отсылают к прошлому. Это особенно сильно проявляется в иудаизме, который отсылает почти на три тысячи лет назад. Христианство поступает так же, как и иудаизм. Возможно, меньше всего это проявляется в буддизме. Религии отсылают к прошлому и будут это делать до скончания времен. Таким образом, свойством религиозных ритуалов является то, что они дают прихожанам сильное чувство сопричастности: они как группа принадлежат к специфическому времени.

Другое дело – основы эмоций, которые вовлечены в религию. Одна из них – чувство уважения к чему-то, что важнее и больше, чем ты сам. Это не просто чувство типа радости. Поэтому опыт победы в футбольном матче далек от религиозного опыта. Победа в матче преходяща, человек быстро это забывает; через пару дней – не более. Я согласен, существуют специфические религиозные эмоции. Христианство – отличный пример трансформации эмоций, потому что оно начинается с предельного страдания – распятия, которое трансформируется в полное отрады всеобщее чувство воскрешения. Другие религии используют разные версии эмоциональных трансформаций.

Буддисты используют другие эмоции: не специфически сильные, а более обыденные. Дзен-медитация – техника, с помощью которой люди пытаются достичь состояния покоя. Это также разделяемое другими состояние – вы не можете достичь дзена без других людей, за исключением случаев, когда вы очень продвинутый практик. Несмотря на то что всем известны рассказы об уединенных дзен-медитациях, их практикуют только большие мастера на пике карьеры. Когда вы учитесь медитировать, вы начинаете с другими людьми в одном помещении, тем самым чувствуя себя частью некоего общего состояния, даже если вы не очень хороши в медитации. Однако когда вы покидаете группу и пытаетесь добиться тех же ощущений, вы совершенно точно осознаете, что в одиночку ничего не получается. Таким образом, это гораздо более социально, чем я думал раньше. Вообще, никто на Востоке не медитирует в одиночку, кроме случаев, когда вы достигли определенного уровня и когда можете делать это один.

Согласно этнографу М. Паджису [Pagis, 2015], вовсе не имеется в виду, что вы должны разговаривать друг с другом во время медитации. Достаточно осознания, что вы находитесь вместе. У вас возникает невербальная микроинтеракция, поддерживающая общее чувство покоя. Социальный контекст вокруг медитации в буддизме очень важен. Я пришел к заключению, что просветление возможно только в обществе, где большинство людей верят в возможность просветления и уважают просветленных людей. Когда вы в традиционном Китае или Японии становитесь просветленным мастером, вы получаете право основать собственный монастырь или наследовать монастырь другого дзен-мастера. В западных обществах медитация – индивидуальная практика, не связанная с кем-то или чем-то в обществе. По этим причинам я думаю, что мы в западных обществах никогда не сможем прочувствовать мастерское просветление так же, как в Японии и Китае.

Ритуалы интеракции в цифровую эпоху

А. ван дер Зейу: В некоторых случаях кажется, что ритуалы интеракции отлично работают в цифровом мире, например, в сообществах хакеров, онлайн-знакомствах или онлайн-спорте. Здесь ритуалы интеракции специально спроектированы для реализации через цифровые проводники. Некоторые люди так привыкли к этим ритуалам опосредованного взаимодействия, что чувствуют неуверенность или дискомфорт, если эти ритуалы

взаимодействия происходят офлайн, с людьми, непосредственно близкими друг к другу. Что это дает будущим исследованиям ритуалов интеракции?

Р.К.: Во второй главе книги «Ритуалы интеракции» [«Interaction Ritual Chains»] представлена схема, описывающая переменные, усиливающие или ослабляющие ритуалы, или даже разрушающие их. Для меня это была важнейшая работа по критике доминировавшего в анализе ритуалов до 1970-х гг. функционализма. Теория функционализма утверждала, что «если все идет хорошо, то это работают ритуалы; если что-то идет не так, люди используют ритуалы, чтобы что-то изменить». Если бы это было правдой, анализ превратился бы в тавтологию. Мы должны смотреть на переменные, которые позволяют или не позволяют ритуалам работать, и в каждом случае рассматривать, какие у нас результаты. Существуют, однако, реальные вызовы для теории, главным образом, связанные с электронными медиа. Должны ли мы на самом деле все еще встречаться лицом к лицу, чтобы ощутить сильную солидарность? Р. Линг [Ling, 2010] исследовал этот вопрос. В книге о мобильных телефонах его вывод таков: интеракция действительно возможна и посредством телефона, но она не очень сильна. Поэтому люди, кроме разговора по телефону, хотят еще и встречаться лицом к лицу.

Чего тогда ждать от людей, предпочитающих интеракции через электронные медиа? К этому вопросу можно подойти в терминах рынка интеракций, где людям есть что предложить друг другу (например, эмоции или культурный капитал) и где у людей разные возможности доступа друг к другу. Некоторые имеют очень хорошие позиции на рынке интеракций, другие – нет; есть континуум людей с большим интеракционным капиталом, со средним или очень малым. Одна из гипотез такова: люди, отдающие предпочтение онлайн-интеракциям, обладают малым культурным и любым другим капиталом. Цифровые медиа появились сравнительно недавно и их использование зависит от возраста человека. Большинство людей, которые слишком много пользуются онлайн-медиа, очень молоды и имеют, вероятно, не очень высокие социальные позиции. У некоторых позиции совсем низкие. Пример: тинэйджеры в сравнении со взрослыми.

Люди, находящиеся на значимых экономических и политических позициях, встречаются друг с другом для обсуждения важных дел. Успех зависит от возможности реализовать эмоциональное влияние на других и от способности быстро ориентироваться в любом деле. С. Джобс оказал огромное эмоциональное влияние на создание и распространение современных цифровых технологий, но сам не любил пользоваться даже обычной электронной почтой; хотел всегда встречаться лицом к лицу. С другой стороны, исследователи цифровых медиа говорят, что использование технологий может извлечь нас от немедленной реакции, у нас появляется больше времени, чтобы обдумать ответ, привести в порядок мысли и чувства. Так как фактор времени очень важен во время ритуалов лицом-к-лицу, при, например, слишком медленных действиях другие могут заметить ваше отчуждение, сомнения; если же вы сохраняете хороший и быстрый ритм интеракции, это свидетельство достигнутой солидарности. Еще раз отмечу: я все более убеждаюсь в том, что социальные связи, главным образом основанные на онлайн-медиа, связаны со слабыми социальными позициями.

В сильных формах социальной солидарности главный элемент – тело, – особенно в вопросах сексуального влечения. Изменится ли это в будущем? Можно попробовать спроектировать аппарат, запрограммированный на стимулирование именно части мозга, отвечающей за сексуальное возбуждение. Таким образом, не обязательно было бы даже встречаться с партнером, – достаточно стимулировать определенную часть мозга. Последствия такого изобретения неизвестны, но ясно, что это вызвало бы что-то напоподобие героиновой зависимости.

Зачем вообще с кем-то встречаться, если можно установить аппарат, генерирующий псевдосексуальные ощущения прямо в мозге? Разница в том, что героин и другие вещества, вызывающие зависимость, являются причинами отклоняющегося развития и побочных эффектов, вводящих к болезням. Конечно, вполне возможно, что электронная

зависимость имела бы меньше побочных эффектов. Но уже сегодня есть онлайн-зависимые люди, которые ничего другого хорошо делать не умеют. Мой прогноз таков: люди, не имеющие цифровой зависимости, могут в будущем установить некий контроль над теми, кто страдает такой зависимостью. Когда цифровые медиа разовьются до такой степени, что смогут предоставлять людям такие вещи, которые прежде можно было получить только в процессе ритуалов интеракции, тогда все больше людей пользовались бы именно цифровыми медиа и меньше уделяли времени другим делам. Могущественными людьми, таким образом, являются те, кто может как использовать эти цифровые медиа в объеме, в котором они в этом действительно нуждаются, так и контролировать их. Такие люди будут встречаться друг с другом лично для формирования альянсов и реализации возможностей контроля.

Стратификация – аспект, который медиаэнтузиасты в общем игнорируют. Однако я не хочу сказать, что есть существенное противоречие между теорией ритуалов интеракции и развитием цифровых медиа. Открытия Дюркгейма и Гофмана и их последователей вскрыли определенные жесткие механизмы, действовавшие на протяжении истории с переменной силой. В будущем, когда будет больше цифровых медиа, переменные ритуалов интеракции останутся также применимыми. Теория может быть переработана и адаптирована, но необходимость понимания социального поведения не исчезнет и в высоко-технологичном мире.

Политическая экономия ритуалов интеракции

Юстус Ауермарк¹: *Вы писали, что люди стремятся максимизировать свою эмоциональную энергию, для чего им нужны другие участники. Возникает некий рынок спроса и предложения. Но этой картине не хватает людей, организующих или режиссирующих ритуалы интеракции, например, в политике, где люди, обладающие большими деньгами, пробуют влиять на политические процессы. Должны ли мы смотреть на то, как возникают ритуалы интеракции, чтобы понять, какие символы заряжают людей эмоциями? Кто или что собирает людей вместе?*

Р.К.: Часто думают, что для достижения цели все средства хороши. Но насколько каждое отдельное средство эффективно? Тратится, например, огромное количество денег на политическую рекламу. И рекламодатели весьма наивно полагают, что могут запросто манипулировать мнением людей. Но я думаю, люди очень хорошо отделяют искренность от фальши. Более всех остальных лукавят именно политики. Они должны постоянно говорить одни и те же речи, что превращается в рутину. Поэтому для преуспевания в политике вы должны заключить сделку с совестью и время от времени свою позицию менять. Когда люди начинают заниматься политикой, они, как личности, кажутся более последовательными и «настоящими», но это пропадает, когда человек углубится в политическую сферу. Политическая деятельность на деле – сфера неискренней активности. Микросоциология показывает, что люди очень чутко реагируют на такую фальшь. Это одна из причин, почему политики, тратящие много денег на ТВ-рекламу, могут выборы проиграть.

Новоразработанные символы обладают сильнейшим эмоциональным зарядом, который обретается в процессе делегитимации старых символов. Делегитимация этих символов – эмоциональный сдвиг, помогающий развивать новые символы. Низвергнутые ритуалы уступают путь новым ритуалам. Первые годы Французской революции 1789 г. показали это очень четко. Почти все вещи, которые жестко легитимировались старым режимом, получили негативную нагрузку во время революции. Кроме того, французы создавали совершенно новые символы, например, революционные кокарды на головных уборах; вас могли даже убить, если их не было. Микропроцессы играли ключевую роль в стремительном падении старой власти. В революционном Париже политику вершили

¹ Участник интервью, не обозначенный среди его авторов. – Прим. перев.

группы, имевшие наибольшее эмоциональное влияние в залах Национального учредительного собрания. За ними стояли более мелкие группы, которые встречались и планировали, как манипулировать мнением Собрания. Таким образом, Франция превратилась в серию гигантских дюркгеймианских собраний, генерировавших новые символы и новых харизматиков-лидеров.

В таких ситуациях «покупка» власти экономическими средствами практически невозможна. Экономическая власть имеет определенное влияние в периоды нормально функционирующей демократии, но когда распадаются государства с масштабной мобилизацией людских масс и социальных движений, эмоциональные средства становятся важнее денег. Американское движение за гражданские права 1950–1960-х гг. возникло не благодаря финансовым средствам. Оно поддерживалось в некоторых местах высшими классами, но не это было основным источником силы движения. Нацисты стали самым популярным движением правой части политического спектра Германии 1920-х гг. благодаря целенаправленному изобретению новых символов. Они акцентировали, что даже выглядят иначе, чем другие консерваторы: те маршировали по центральным улицам со старыми немецкими довеймарскими флагами. Гитлер был категоричен: его движение должно было выглядеть иначе. Поэтому нацисты придумали собственные символику и униформу, свастику, которая содержала также и красный цвет, чтобы привлекать и левых. Они маршировали не на главных улицах, а в рабочих районах, сталкивались там с социалистами, намеренно вызывая волнения. Точно так же, как и другие социальные движения, эти акции не требовали больших денежных вливаний. Символические изобретения были важнее. То есть, я весьма скептически отношусь к успешности попыток влияния людей с деньгами на политику. Во времена кризисов повстанцы обычно изобретают более сильные ритуалы.

В большинстве этих примеров из прошлого речь идет о группах, которые придумали новые способы мобилизации людей. Р. Старк [Stark, 1969] написал отличную книгу о развитии христианства, подчеркивая символическую ценность мученичества. Христиане не собирались изначально создавать мучеников, но когда мученики появились, стало заметно, сколь сильно действует это на верующих. Римляне внесли в это дело свой вклад – они не сразу отправляли христиан в тюрьму или убивали, сначала привозили их в Рим для суда и приговора. Везде, куда бы ни привозили схваченных христиан, организовывались целые процессии для привлечения внимания именно к ним. Римляне рассчитывали запугать христиан, но получили прямо противоположный эффект. Коллективные эмоции сделали роль мучеников более привлекательной. И, имея мучеников, еще больше людей уверовало в христианство: раз они этому так преданны и даже готовы на мученическую смерть, – значит, возникло что-то действительно важное, в этой религии должна быть правда. Сотворение мучеников было для христианства важной техникой вербовки. С течением времени люди даже стали конкурировать в мученичестве.

Возвращаясь к сегодняшнему дню, отмечу: воинственные исламисты приобрели внимание благодаря освоению и применению аналогичных методов, таких как террористы-смертники. ИГИЛ² использует социальные медиа, распространяя видеоролики насильственных ритуалов, массовых казней. Противникам все это ужасно, но людям, не любящим Запад, такая тактика даёт внимание, эмоциональную энергию, поддерживает моральный дух, помогает вербовать сторонников. Им не нужно привлекать миллионы.

Новая социология насилия

Д.В.: Почему вы утверждаете, что Вебер и Дюркгейм не писали или прямо не писали о насилии и войне? Ведь с тех пор хорошо развились социологические исследования насилия. На настоящий момент речь идет о новой социологии насилия, куда вы также внесли

²Террористическая организация, запрещена в России. – Прим. перев.

вклад. Куда бы вы поместили свою теорию среди существующих теорий структурного и символического насилия?

Р.К.: Вебер писал о насилии в очень общем смысле, в основном занимаясь вопросами истоков современного мира, главным образом – всемирной историей. Перед войной он писал, как Германия оказалась в сложном политическом и дипломатическом положении. Он считал, что страна не имела хороших союзников и категорически не должна начинать войну одновременно против Франции и Англии. Когда война разразилась, он был короткое время полон энтузиазма, как и многие, поступил на службу в армию и получил чиновничью должность в госпитале. В течение трех-четырех месяцев он растерял весь энтузиазм и уволился со службы. Он пробовал использовать свое влияние в политическом диалоге с Великобританией.

Судьба Дюркгейма трагичней. Он был до войны интернационалистом и членом международного сообщества по распространению мира во всем мире. У него были особенно хорошие отношения с немецкими учеными. После убийства Франца-Фердинанда в Сараево во Франции прошли многочисленные провоенные демонстрации. Почти все французские интеллектуалы были причастны к ним. Дюркгейм поступил так же, и зашел столь далеко, что с начала войны и до конца жизни не написал ничего ценного для социологии. В основном он писал бесстыдные пропагандистские материалы, как Франция всегда и во всем превосходила Германию; об истории французского образования, подчеркивая, что оно было лучше немецкой системы образования. Это очень лицемерно, потому что ранее, в 1870-х гг., Дюркгейм при поддержке Министерства образования Франции ездил в Германию для изучения системы образования и поиска новых идей для образовательной реформы во Франции. Дюркгейм интеллектуально уничтожил сам себя пропагандой войны, он все более и более впал в депрессию, не мог читать лекции. Это все произошло до того, как трагически погиб его сын. М. Фурнье [Fournier, 2007] пишет об этом в биографии Дюркгейма. Особо угнетающее впечатление оставляет последняя глава.

Потеря интеллектуалами автономии во время войны не была неизбежной. Б. Рассел остался на пацифистской позиции, сев за это в тюрьму. Со стороны Германии и Австрии – З. Фрейд, один из интеллектуалов, которому повезло больше всего: на период войны пришелся его анализ «инстинкта смерти», может быть, не лучший пример психоанализа, но он анализировал общее военное возбуждение вместо того, чтобы в войне участвовать. Что было, как мы видим, очень даже возможно.

Сегодня, пожалуй, интерес ко всем аспектам насилия больше, чем когда-либо в истории социальных наук. В 1940–1950 гг. преобладал специфический интерес к изучению распространения нацизма, как будто ничего подобного не было ранее. Затем наступил период падения интереса к насилию, несмотря на войну во Вьетнаме. Я считаю, эта сфера сегодня повзрослела: проводится значительно больше эмпирических исследований в области социологии насилия, наш исторический материал и микроданные улучшились. Отличный пример тому – работы таких ученых, как Э. Андерсон, Э. Гоффман и Б. Поул. Мы уже достигли критической массы эмпирических данных, и формирование теории идет гораздо активнее.

Новые теории насилия отличаются от понятия структурного насилия³. Я вижу последнее больше как попытку моральной оценки, что является делом политиков или философов. Нам, социологам, это мало чем помогает. Естественно, мы хотим объяснить структурное неравенство, но мы видим на опыте, что форма его проявления совсем не похожа на динамику насилия. Некоторые люди считают насилием все, что вызывает чувство социального неравенства и подавления. Но влияет ли на самом деле это чувство на реальное физическое насилие – для меня вопрос эмпирический. Большая часть детей играет, например, в игры, где есть сражения и доминирование. Но поскольку это насилие ограничено рамками игр, оно не имеет большого влияния за их пределами.

³ Структурное насилие – долгосрочное и широко распространенное подавление и маргинализация в политической, экономической или культурной сферах. – *Прим. авт.*

Некоторые теоретики говорят: если бы дети не играли в игры, где есть эмоциональное доминирование, не было бы насилия у взрослых. Не думаю, что это эмпирически верно. Сомневаюсь, что для прояснения поведения политиков, управленцев, ответственных за развязывание войн, обязательно нужно изучать их наследственность. Для объяснения их действий достаточно пребывания в кабинетах, где принимаются государственные решения, – это, в конце концов, организации, основанные на военной мощи⁴.

Думаю, заслуживает пристального внимания исследование того, как дети разных возрастов видят различные ситуации и какие эмоции при этом испытывают. Когда я, например, впервые увидел покойника, мне было четыре года, мы жили в Берлине. В 1946 г. мы всей семьей переехали в Германию, – мой отец работал в Госдепартаменте. Как-то русские осуществляли раскопки в нашем саду – там были погребены русские солдаты. Помню, что я и старшая сестра смотрели на них из нашего окна. Мама запрещала нам играть там, потому что там еще лежали неразорвавшиеся бомбы. Мои родители обозначали это без каких-либо трагических или других сильных эмоций, – просто факт, к которому нужно приспособиться. Поэтому, думаю, наряду с простой констатацией факта опасности важна и эмоциональная маркировка.

Но что я действительно не могу оценить, так это подход Бурдье к определению стратификации как символического насилия; здесь мы теряем каузальность. Без ограничения насилия против людей от насилия символического невозможно различить нападения на людей и на физические объекты. Поэтому я считаю, что такое деление заслуживает особого внимания. Во время беспорядков типична ситуация, когда группа из трех–шести человек нападает на того, кто по тем или иным причинам изолирован. Другая ситуация: на одной из моих фотографий из Пакистана запечатлены четыре хулигана, которые громят мотоцикл. Структура картинок точно та же, что и в случае нападения на человека, только здесь объект насилия мотоцикл. Кажется, это точно такой же объект, как человек, мотоцикл здесь некий суррогат человека.

В 2005 г. во Франции вспыхнули так называемые войны пригородов [La Guerre de Banlieues], массовые беспорядки, поджоги легковых автомобилей и автобусов. В подобных случаях и возникает символическое насилие – из нападений на физические объекты в местах общественного пользования. В бедном районе весьма вероятно, что припаркованные машины не являются собственностью людей твоего социального класса, а автобусы, в общем-то, собственность государства. Но при всем при этом насилие против людей сводится к минимуму. Символическое насилие проще и дешевле, чего нельзя сказать о насилии настоящем.

Что именно делает насилие против людей особенным? Человек, пустив в ход насилие, должен преодолеть барьер в виде конфронтационной напряженности и страха⁵. Существует несколько способов обхода конфронтационной напряженности, которые приводят людей в субъективный тоннель насилия [tunnel of violence]. И одна из тропинок в этот тоннель насилия – ситуация, когда виновник насилия сохраняет свой ритм насилия, не обращая внимания на жертву насилия; например, продолжая беспрепятственно бить кого-то, стрелять. Ярче всего эта модель запечатлена в рапортах о полицейских агентах, которые при стрельбе не могли остановиться, пока не заканчивались патроны, – они словно впадали в некий ритм. В такие моменты полицейские ничего не видят и не слышат кроме звуков оружия и поражаемой цели. Именно поэтому они описывают свои ощущения как тоннельное видение. Раз начав, они не остановятся.

⁴ Коллинз в теории выделил военное насилие в особую категорию, что связано с различной ролью эмоций в различных видах насилия. Именно поэтому он подчеркивает происхождение политических решений из рациональной логики военного насилия, из семейных аффектов. Подробнее данное разграничение обсуждается далее в интервью. – *Прим. перев.*

⁵ Коллинз [2008] использует термин конфронтационное напряжение и страх для обозначения эмоционального возбуждения, когда люди вовлечены во взаимно-конфронтационную ситуацию. Они напряжены, их внимание сфокусировано на том, что их разделяет, не на том, что примиряет. Решающим моментом является то, что конфронтационное напряжение и страх удерживают людей от насилия. – *Прим. авт.*

Другая тропа к насилию связана с асимметричной синхронизацией или зависимостью [asymmetrical entrainment or a reciprocity] между нападающим и жертвой. Это происходит, когда жертва делается полностью пассивной, вследствие чего нападающий начинает чувствовать превосходство и преодолевать конфронтационное напряжение. Асимметричная зависимость является также одним из видов домашнего насилия.

Есть три основные формы домашнего насилия. Первая – симметричное насилие чаще всего встречается у молодых пар, где ссоры и рукоприкладство относительно одинаково применяемы партнерами. Насилие для них часто превращается в игру. Второй вид насилия – когда кто-то из членов семьи действительно избивает другого; в основном это мужчина, избивающий женщину, или взрослый, пускающий в ход насилие против ребенка. В этих случаях жертва может пытаться противостоять насилию, но нападающий теряет контроль окончательно и впадает в субъективный тоннель ритма атак. Третий тип насилия связан с тем, что доминирующий партнер «натренировал» другого партнера вести себя как жертву. Так действуют уличные хулиганы, заставляя индивида занять роль жертвы.

Военное насилие – иное дело. Но эта форма насилия тоже сильно зависит от эмоциональной реакции и эмоционального доминирования. В этой связи возникает вопрос, насколько эмоции потеряют влияние, если все оружие станет высокотехнологичным? С девяностых годов некоторые военные мыслители предполагают, что с помощью высокотехнологичных средств завоеваний рассеется «туман войны» – то, что Клаузевиц называл «трением». То есть эмоции солдат, которые являются причиной неэффективных действий, исчезнут, когда солдат заменят компьютеры и другие машины. Но так ли это происходит на самом деле сегодня? Я в своем исследовании предполагаю, что высокотехнологичные системы вооружений очень уязвимы друг для друга, например, из-за возможностей взлома, хакерства и т.д. Кроме того, нередко они просто не работают, часто по банальным причинам – не хватило заряда аккумулятора, самолет, призванный отвлекать внимание радаров на себя от основных сил, сломался и требует ремонта. Я как-то спросил наших солдат в Афганистане, что они думают об улучшенном высокотехнологичном оружии, например, о приборе определения местонахождения вражеской артиллерии, чтобы сверхточно ударить по цели. Они мне ответили, что очень редко его используют, потому что оно громоздкое, его сложно перемещать, и, кроме того, – оно очень дорогое. Нередко такого оружия вообще нет под рукой, когда оно критически необходимо. Таким образом, жестко связанные друг с другом компьютеризированные системы чрезвычайно уязвимы: выход из строя детали выводит из строя всю систему. Ввиду этого ни один военный руководитель не хотел бы иметь одну высокоцентрализованную военную систему – она слишком уязвима.

Мое общее заключение о высокотехнологичном оружии таково: есть тенденция возврата военных к менее компьютеризированным системам вооружений, в виду того, что высокотехнологичное оружие использовалось и потерпело фиаско. При нападении противники пытаются ослабить друг друга технически и организационно. Победят те, кто быстрее сможет откатиться к более низкотехнологичному виду вооружений.

Теперь вернемся к эмоциональным процессам, которые ведут к «трению» (в смысле Клаузевица. – Прим. перев.). Когда в 2014 г. ИГИЛ в течение пары недель занял часть Северного Ирака, это произвело сильный эмоциональный эффект: группировка из 10 тыс. человек победила 250 тыс. человек. Иракская армия была разбита, несмотря на лучшее вооружение. Она была полностью деморализована. Таким образом, это была победа эмоциональная, но не технологическая.

Пространство внимания

Д.В.: Один из концептов, который все чаще встречается в ваших работах, – «пространство внимания» [attention space]. Он акцентирует значимость разделяемых ориентаций, общей направленности внимания и конкуренции за нее. Идея эта применима к анализу насилия в конкретных ситуациях и, как вы и описали в «Социологии философий», может служить

концептуализации идейной борьбы, которая тянется долгое время, например, в философии. Могли бы вы сравнить идею пространств внимания с другими понятиями, выражающими ключевые точки социальных отношений, например, понятие поля П. Бурдьё?

Р.К.: Я начинал с анализа сетей философов и в итоге индуктивно вывел принцип: люди, которые становятся знамениты, в будущем больше связей имеют с людьми, также знаменитыми, – что относится к предшественникам, к современникам и потомкам. Аристотель имел сотни студентов, а ближе к нашему времени В. Вундт – может быть тысячу, но едва ли хотя бы полдюжины из их учеников стали действительно знаменитыми. Таким образом, наряду с силой сетевой связи, должно быть что-то еще – я решил назвать это «ограниченным пространством внимания» [limited attention space. – Прим. перев.]. Посредством анализа сетей выяснилось: в каждый конкретный момент времени нет одного суперзнаменитого философа, их всегда как минимум два, чаще – три. Частично потому, что они делят соответствующее поле между собой, своими аргументами, споря друг с другом.

С другой стороны, есть много возможных инноваций в конкретном интеллектуальном поле. Очень просто создать интеллектуальные традиции, которые различаются тем или иным аспектом от других. Однако в получаемой части сети будет уделено мало внимания тонким и сложным различиям. Это теоретически объясняет, почему существует верхняя планка максимум в шесть успешных позиций, которые могут быть переданы в последующие поколения. Если смотреть на карьеры философов, мы видим, что в некий момент карьеры они должны были сделать определенный выбор, который актуален, я думаю, и сегодня для нас самих. Вы можете быть очень амбициозны в начале карьеры, но рано или поздно придете к тому, что было бы лучше следовать другим. Как известный последователь школы, вы можете рассчитывать на признание; вместо того, чтобы любой ценой пробивать «собственный» путь и, возможно, не иметь последователей вообще. Что, кстати, происходило с поколением после И. Канта и наиболее ярко отразилось в карьере Шопенгауэра. Ему пришлось ждать до 60 лет, пока более старшие философы просто не умрут, освободив ему место в пространстве внимания.

«Пространство внимания» как концепт, возможно, занимает довольно туманную теоретическую позицию. Это не совсем теория микроуровня, но какая тогда? В любом случае оно определено находится в воспринимаемой части сети, т.е. той ее части, которая направлена в будущее. На большем микроуровне люди, очень успешные в интеллектуальном поле, имеют исключительно замечательных учителей. Но самое важное, что они приобрели не что-то относящееся к содержательной части идей своих учителей, а понимание того, каким образом это самое поле работает. Они настолько интернализируют эти идеи, что могут осуществлять интеллектуальные движения, – т.е. создавать новые идеи, не нуждаясь в раздумьях о потенциальной привлекательности своих идей для других. Пространство внимания продолжает работать безотносительно к сознанию интеллектуалов, участвующих в нем. Это сравнимо с полями у Бурдьё. Но в его учении упущено то, что пространство внимания ограничено, что в одном поле пространство ограничено для определенного числа персон.

Я начинал с выделения интеллектуальной сети и проблем передачи позиций из поколения в поколение, в конечном счете, придя к концепту ограниченного пространства внимания. Впервые я почувствовал, что это понятие может быть приложено к внеинтеллектуальным процессам, когда начинал свое исследование беспорядков. На фото и видео, запечатлевших беспорядки, можно видеть, что лишь относительно небольшой процент протестующих совершают какие-то насильственные действия. Это обычно 6–12 человек, которые стоят впереди, в то время как позади них могут находиться сотни людей. У меня возник вопрос: почему пассивные участники вообще не сидят дома, оставив бастовать только десяток наиболее активных? Проблема в том, что в этом случает последние не имели бы эмоциональных резервов. С другой стороны, эффект публики имеет очень сильный эффект: когда зрители шумят и показывают, что их внимание направлено на активистов, уже это активизирует хулиганов. Небольшие стычки быстро кончаются,

если публика не обращает на них внимания. Таким образом, концепция пространства внимания применима и к анализу беспорядков. Я думаю, этот эффект также встречается в других формах коллективного насилия. Относительно полицейского насилия также можно видеть, что чем больше полицейских на месте происшествия, тем выше вероятность того, что кто-то пострадает от действий полицейских. Думаю, это также свидетельство эффекта публики.

Полагаю, что пространство внимания может иметь различные размеры в разных сферах, например в политике или экономике. Что касается полей экономики, Х. Уайт [White, 2002] утверждал, что возникновение монополии в сфере производства невозможно. Вы должны иметь несколько компаний, например Coca-Cola и Pepsi-Cola или Google и Facebook, чтобы определить поле, где они конкурируют. Уайт также на данных о структуре рынков пришел к выводу, что в основном существуют два или три предприятия, доминирующие на рынке, и остальные – шесть–десять предприятий с более скромной долей. Но это также развивающаяся система. В самом начале новой индустрии существует множество взаимодействующих предприятий, но очень скоро их число заметно сокращается. В экономических полях движение идет быстрее, чем в интеллектуальном мире, где путь до топ-6 наиболее конкурентных позиций запросто может занять 30 лет. В мире капиталистических предприятий движение происходит очень быстро, и лишь малая их часть доминирует на рынке.

В политике минимальное число позиций равно двум, т.е. минимально есть два соперника. В политических кампаниях с множеством политических позиций есть возможность наблюдать период уменьшения количества соперников. На мой взгляд, это происходит в силу того, что политика похожа на насильственный конфликт. Когда борьба действительно вспыхнула, конкретному человеку когнитивно и эмоционально сложно, практически невозможно участвовать одновременно во множестве драк. Это объясняет, почему, как только начинается какая-либо борьба или война, определенные группы государств, ранее соперничавшие, становятся союзниками или занимают нейтральную позицию; по крайней мере, на время. Таким образом, интеллектуальное пространство внимания работает иначе, чем пространства внимания в экономике и политике. Основное отличие – количество участников и динамика изменений. Общая же теория пространства внимания должна быть еще разработана.

О социологии

Д.В.: *В последней части «Социологии философий» вы описывали социологию как нечто между тенденцией к абстрактной рефлексивности и быстро развивающейся индуктивной наукой. Каков на ваш взгляд этот баланс в социологии сегодня?*

Р.К.: В последние годы мы наблюдаем стремительное развитие социологии как *discovery science*⁶. Процесс такого роста специфичен для истории философии, но присущ и математике. Действительно большой сдвиг в философии произошел, когда человек нашел способ абстрактно обращаться с проблемами, что позволило заново обсуждать вопросы, которые задавались ранее, но уже на новом уровне абстракции. Специальные эмпирические науки, например, химия, создают область, где анализ достаточно абстрактен, чтобы делать обобщающие утверждения. Одновременно с этим они не заходят слишком далеко в абстрагировании, что затруднило бы проведение эмпирических исследований. На высоком абстрактном уровне дискуссии концептуальны, а не эмпиричны.

Социология, безусловно, имела свои дебаты по этой линии. В первую очередь важной вехой было появление этнометодологов, которые на самом деле являются философскими феноменологами. Гарфинкель раздражал многих социологов фразой: социологии

⁶Discovery science – подход в исследованиях, который предусматривает движение от эмпирических данных к абстрактной теории – в противоположность гипотетико-дедуктивной модели. Поэтому я перевел этот термин как «индуктивная наука». – Прим. перев.

не существует; единственное, что существует, – этнометоды, которые люди применяют для придания значений вещам. Этнометодологам не нравится то, что делают люди в микросоциологии, такие как я, потому что мы не занимаемся философской феноменологией. Мы лишь применяем эмпирические методы, приспособливаем их к повседневному поведению и смотрим, какие модели мы можем найти. Как только вы видите, чем заняты этнометодологи, в чисто гарфинкелевском смысле, вы сразу понимаете, чем это отличается от того, что делаем мы, социологи. Еще одна вещь, которая изменила направление дискуссий, анализ разговора [conversation analysis], ставший эмпирической дисциплиной. С помощью магнитофонных записей и анализа движений людей при разговоре это стало чем-то вроде индуктивной науки.

Чтобы стать быстрорастущей индуктивной наукой, необходимо столь точное научное оборудование, чтобы посредством работы с эмпирическими данными можно было бы делать какие-то открытия. Так было в естественных науках в XIX в., когда ученые помещали электрические аккумуляторы в сосуд с химическими веществами и пропускали по ним электричество, высчитывая в дальнейшем показатели электрического спектра. Это был способ, которым они развивали химию до более продвинутого уровня. У них был аппарат, генерировавший новые данные, который использовался для открытия новых видов материи. Также они соединяли его с телескопом, чтобы выявить отдельные объекты в искомом спектре.

Есть ли у социологов сегодня такое оборудование? Возможно, ответ дает видеоэтнография. Долгое время для получения данных мы либо опрашивали людей, либо шли наблюдать в поле. Но сейчас есть данные, с помощью которых мы готовы заново посмотреть на привычные вещи. Таким путем мы можем очень близко подойти к микродеталлям интеракций. Вы можете через теоретическую призму, т.е. примерно зная результаты, найти новые модели, анализируя эмпирические данные. Но эмпирические данные могут предложить гораздо большее – возможность выработки новых теорий. Видео-этнография возможно станет в ближайшее десятилетие частью социологии, которая, в свою очередь, будет похожа на быстроразвивающуюся индуктивную науку.

Еще одна сфера потенциально близких открытий – исследования эмпирических данных, собранных в социальных медиа. Наивно думать, что социальные медиа имеют огромный эффект лишь потому, что их используют много людей. Нет ли более глубоких теорий относительно влияния медиакommunikаций? Как они относятся к теориям политической мобилизации или социальной стратификации? Весьма плодотворны также вопросы о том, как теория ритуалов интеракции работает в сфере электронных медиа. У нас есть несколько теоретических входов, которые могут указать нам путь к наиболее подходящим эмпирическим данным для ответа на поставленные вопросы. Затем мы можем развить уже новые теории для лучшего понимания полученных данных. Думаю, это сопоставимо с происходящим в сфере сетевого анализа. Вплоть до недавнего времени сетевые аналитики были заняты в основном уточнением описательных алгоритмов. Некоторое время они даже не хотели ничего знать о содержательной стороне вопроса, сознательно игнорируя действия людей в анализируемых сетях. Но мы можем привязать к сетевым процессам много более конвенциональные переменные. Думаю, теперь сетевой анализ станет более динамичной сферой. Понятно, проще работать со статичными сетями, чем выискивать, как они меняются, и считать последствия изменений. Сейчас мы начинаем понимать, как меняются сети. Например, книга Дж. Л. Мартина [Martin, 2009] показывает, какие виды сетей могут стать очень большими, а какие распадутся при расширении.

Нам посчастливилось жить во времена, когда новые субполя социологии находятся на пороге вызревания. Мы получаем всё лучшие эмпирические данные. Теперь очередь лучших теорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Collins R. (1998) *The Sociology of Philosophies: a Global Theory of Intellectual Change*. Cambridge: Harvard University Press.
- Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton University Press.
- Collins R. (2008) *Violence: A Micro-Sociological Theory*. Princeton: Princeton University Press.
- Fournier M. (2007) *Émile Durkheim: 1858–1917*. Paris: Fayard.
- Ling R. (2010) *New Tech, New Ties. How Mobile Communication Is Reshaping Social Cohesion*. Cambridge, MA: MIT Press
- Martin J.L. (2009) *Social Structures*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Pagis M. (2015) Evoking Equanimity: Silent Interaction Rituals in Vipassana Meditation Retreats. *Qualitative Sociology*. Vol. 38. No 1: 39–56.
- Stark R. (1996) *The Rise of Christianity: A Sociologist Reconsiders History*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Van der Zeeuw A., Keesman L., Weenink D. (2016) Sociologiseren met Randall Collins. *Sociologie*. Vol. 12. No. 3: 275–294. DOI: 10.5117/SOC2016.3.WEEN.
- Van der Zeeuw A., Keesman L., Weenink D. (2018) Sociologizing with Randall Collins: An Interview about Emotions, Violence, Attention Space and Sociology. *European Journal of Social Theory*. Vol. 21(2): 245–259. DOI: 10.1177/1368431017714909.
- White H.C. (2002) *Markets from Networks: Socioeconomic Models of Production*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Перевод с нидерландского В.М. БАРСЕГЯНА, к. полит. н., магистрант социологии и социальных исследований Утрехтского университета, Нидерланды (barsegyanwm@gmail.com).

Статья поступила: 21.08.18. Принята к публикации: 24.09.18.

SOCIOLOGIZING WITH RANDALL COLLINS: AN INTERVIEW ABOUT EMOTIONS, VIOLENCE, ATTENTION SPACE AND SOCIOLOGY

VAN DER DE ZEEUW A.*, KEESMAN L.D.*, WEENINK D.*

*University of Amsterdam, Netherlands

Alex VAN DER DE ZEEUW, MA Student in Social Sciences (alex.vanderzeeuw@student.uva.nl); Laura D. KEESMAN, Junior Lecturer in the Department of Sociology, Junior Researcher in a research agency (l.keesman@uva.nl); Don WEENINK, Member of the Department of Sociology, supervising a research program – ERC Consolidator Grant (d.weenink@uva.nl). All – University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands.

Abstract. This article is a translation of the interview of Randall Collins in May 2016. The key topics of the interview were R. Collins' new concepts: (1) interaction rituals in the digital age; the role of emotions in the interaction of people; (2) attention space – a new concept designed to conceptualize the processes of the struggle of ideas and other conflict situations; (3) a new sociology of violence, in which Collins typifies the types of violence. A cross-cutting idea through all the topics goes about the relationship between micro and macro processes, high technologies, media resources. Collins proclaims the benefit of the inductive principle in sociology and calls for more empirical research on which new theories could be built.

Keywords: Collins, interaction rituals, IR theory, micro-sociology, sociology of violence.

Transl. by V.M. BARSEGYAN, Cand. Sci. (Pol.),
MSc-student in Sociology and Social Research,
Utrecht University, Netherland (barsegyanwm@gmail.com),
assisted by a RFBR grant No. 17-33-01034.

Received: 21.08.18. Accepted: 24.09.18.